

Великие покидают двадцатый век

Отсюда газета,
— 1998. — 6-12 авг. — с. 1

Соболезнуем потомкам: им не быть современниками Альфреда Шнитке

Юрий ЛЮБИМОВ

УШЕЛ великий музыкант. Мы, близкие ему люди, знали: он тяжело, неизлечимо болен, и все равно весть ударила в сердце. Великий страдалец, человек удивительной деликатности, редчайшего доброго ума, высокой порядочности. Мы — поклонники его божественного дара — ощутили осиротелость. Он ушел, оставив нам все свое богатство. Музыку.

Разбираю старые записи.

Запись 1989 года. Худсовет в театре на Таганке. Альфред Шнитке отвечает на предложение делать музыку к «Доктору Живаго»: «Я бесконечно люблю роман, знаю его уже лет 15, у меня лежат черновики на евангельский цикл стихов, и я написал два или три номера, но успел, слава Богу, снять их из программы в тот день, когда афиши уже висели и это должно было исполняться. Я понял, что этот уровень простоты недостижим для меня. Я понял, что это нечто необычайно сильное, но я как бы еще никакого права на это не имею. Это, наверное, была бы самая сложная работа, если б она получилась. Вот все, что я по этому поводу могу сказать. Спасибо».

В этом весь характер незабвенного и удивительного мастера. Привел в театр Альфреда Эдисон Денисов. Мы стали работать «Ревизскую сказку» по Гоголю. Он приносил наброски, садился и играл, а потом с удивительной математической точностью задавал ряд вопросов, вежливо пережидая мои похвалы и говорил: «Нет-нет, записывать рано, я буду думать».

Я просил его написать музыку к спектаклю О Владимире Высоцком, он его ценил и любил. Но почему-то сразу не соглашался, затем написал прекрасно. Потом — на прогоне, прослушав весь спектакль, задумчиво произнес: «Мне кажется, вы сделали попытку создать современную оперу», но тут же просил его музыку снять: «Не надо меня, пусть это будет мир Володи». С трудом уговорили оставить балладу, уж очень хорошо артисты исполняли. Он вежливо согласился.

Прошу написать музыку к «Трехгрошовой опере» Брехта. «Нет-нет, нельзя, мне и папа говорил, как прекрасна музыка Курта Вайля, и я прошу и советую вам, ничего не меняйте у него».

Я бы мог бесконечно вспоминать в этот скорбный день гениального музыканта. Вот сидим на даче у Геннадия Рождественского, всем нам кажется, что проект о злощастной «Пиковой даме» удастся. Он весел, остроумен, шутит, радуется, что действовал как хирург, не изменил ни одной ноты и удалил все, чем был недоволен его великий предшественник. Мелькают в памяти и другие обрывки. Он уже тяжело болен, но, — счастье для нас! — пишет музыкальную притчу «Доктор Живаго». Быстро утомляется, нужны частые передышки. Но он сам никогда об этом не скажет. Говорит жена Ирина или я вижу по его уставшим глазам, стараюсь как бы невзначай помочь дойти до спальни. Через час

слышу, как шаркают туфли. Он снова идет работать.

Я всегда буду благодарить судьбу, позволившую мне узнать Альфреда Шнитке.

Виктор ЕРОФЕЕВ

В ПОСЛЕДНЕЕ время отечественные некрологи все больше начинают приобретать оптимистическое направление. То же самое можно сказать и о речах на панихидах. Создается впечатление, что если в советские времена покойника хоронили всерьез и надолго, то теперь неопитская вера на загробную встречу с ним и уверенность в благополучном исходе Страшного суда призваны снять шок смерти и невыносимое горе разлуки.

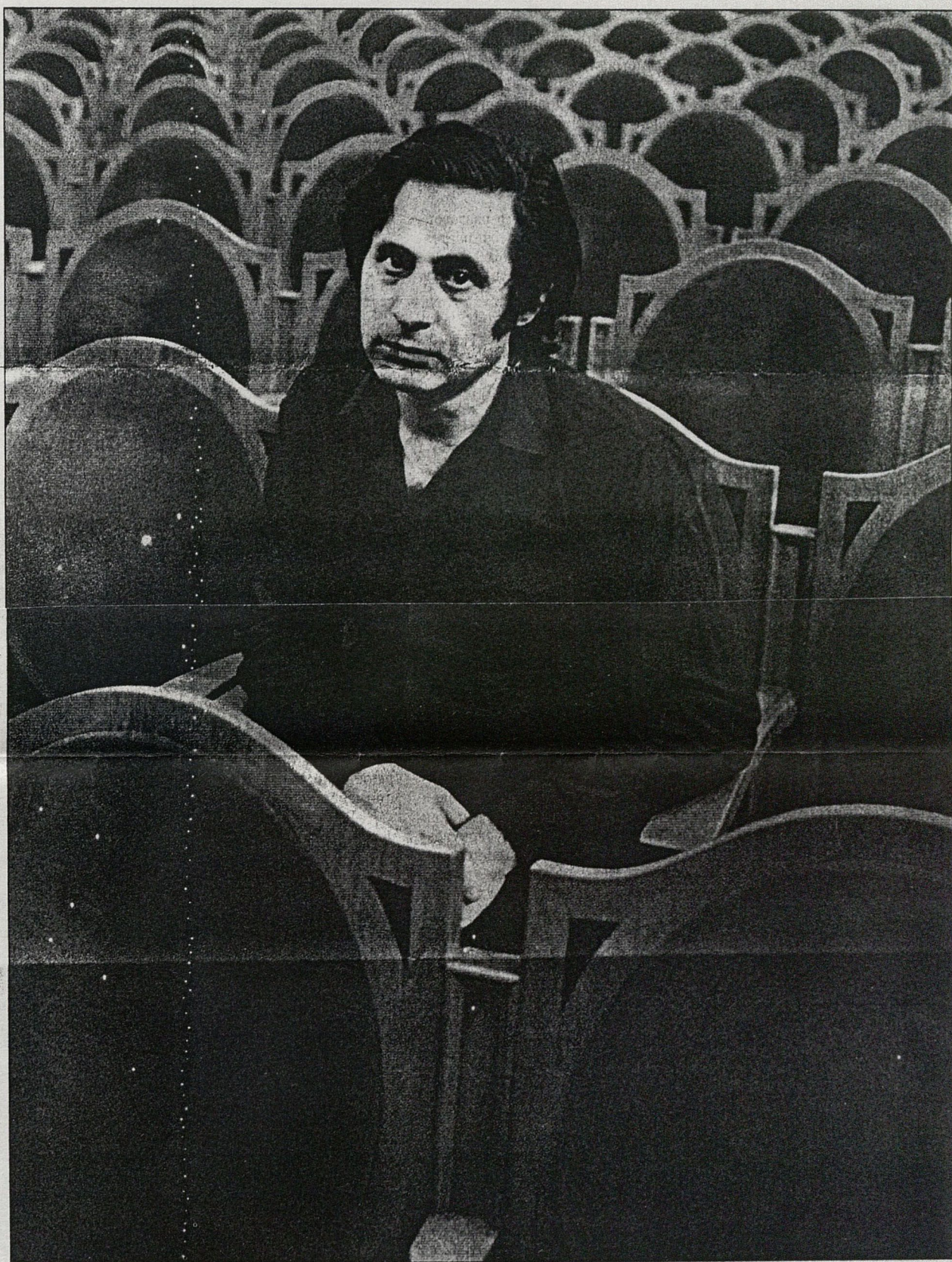
Впрочем, оплакивать кончину гения — дело метафизически неизведанное. Скорее, гений мог бы оплакать каждого из скорбящих по принципу принадлежности к вечности, скорбящим неведомой. Гений — тот самый умирающий и неизменно воскрешающий бог, проследить за судьбой которого способно лишь чувство восхищения. В своей жизни, насмотревшись на людей немало, я знал только одного гения — им был Альфред Шнитке. Можно было бы даже сказать, что мы дружили — но теперь я говорю об этом с еще большей робостью, чем прежде. Гений есть чистое предназначение и предел отпущенных людям возможностей. В разговорах со мной Шнитке открыл мне два основных закона творчества.

Шнитке считал творческий акт искажением первоначального замысла, поскольку человеческое несовершенство неспособно превратить сочинительство в отражение первородной энергии, но может в лучшем случае лишь угадать, услышать и намекнуть на нее. Это высочайший провал человеческих претензий насмерть убивал всякое представление о творческом честолюбии, и раздвигавшиеся от тщеславия таланты кажутся мне с тех пор гротескными видениями.

Второе, о чем говорил Шнитке, сводилось к тому, что художник не в силах преодолеть стену между культурой и метафизикой путем непосредственного мистического действия. Но, если повезет, может пройти сквозь нее, занимаясь своим профессиональным делом: композитор — через музыку, писатель — через слово. Это сильно остудило мои «кастанедаидальные» позывы, да и все прочие соблазны New age'a несколько померкли.

Шнитке, по-моему, доказал простую для гения, но болезненную для общего восприятия мысль, что творец — не мастер, даже если он способен решать самые сложные технологические задачи. В мастере есть фундаментальная опора на собственное умение, можно даже добавить — на свою философию жизни. В то время как художник способен увидеть изменчивость всякой истины, неизменно выраженной в символе.

Ум Шнитке поражал меня своим аристократическим демократизмом. Преисполненный до болезни истинной радостью жиз-

ни, он получал удовольствие от жизненного разнообразия. Никогда не забуду, как мы просто покатывались с ним от хохота, когда разрабатывали проект оперы «Жизнь с идиотом». Наблюдавший за нами Б.А. Покров-

ский решил, наверное, что у нас поехала крыша. Но, окруженный поклонниками и исполнителями, Альфред был, по большому счету, одиноким человеком.

Смерть Шнитке ничего не способна из-

менить. Дело не в том, что он сильнее смерти. Но он задал творчеству такие высокие требования, что творчеству надо будет ждать очень терпеливо, пока не явится новый Шнитке.